

ТОДД ЛЕРОЙ ПАРАШИВА

Тодд Лерой Парашива

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9577154

ISBN 9785447425852

Аннотация

Мир будущего. Почти не осталось тех, кто бы не погрузился в симулятор реальности. Каждый имеет персональный код и лишен анонимности. Однако остались те, кто выступает против тотального электронного рабства. Шпиону Люку Гардасу предстоит выяснить, принадлежал ли он к оппозиции до того, как потерял память.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Парашива Тодд Лерой

© Тодд Лерой, 2016

© Михаил Алексанов, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4474-2585-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Он остановил автомобиль, чтобы запастись блоком сигарет на неделю вперед. Машину он не запер: на его черный «пontiак», расцарапанный почти до металла, никто не претендовал. Ручник не подымался до упора, педали приходилось вбивать в пол всем весом, руль поворачивался с тугим скрипом, а коробка зажигалась разве что с третьей попытки.

Продавец магазина готовился закрываться и уже включил сигнализацию на холодильнике с алкоголем. В такое время его клиентами могли быть разве что пьяницы или извращенцы. Однако незнакомец под эти описания не подходил. По виду не старше тридцати, худощав, с четко очерченным лицом, идеально прямым, как у сфинкса, каре вороного цвета и заостренными ушами. Незнакомец склонялся под грузом тяжелой амулетов в виде клинков и рогатых черепов. Изогнутые брови должны были выглядеть устрашающе, и тем не менее угрозы от него не исходило. В его водянистых глазах читалось какое-то умиротворяющее спокойствие и безразличие.

Несмотря на апатичный и слишком уставший, в какой-то мере подавленный вид клиента, продавец потянулся к баллончику под кассой. Незнакомец одарил его снисходительным взглядом.

– Я похож на того, кто собирается тебя обчистить? – спро-

сил мужчину без выраженной интонации.

Продавец покачал головой и ослабил руки.

– Догадываешься, что мне надо? – продолжал тот.

– Откуда мне знать? – попытался разозлиться продавец.

– Во всяком случае, не баллончик. И не деньги в кассе.

Не пиво и не презервативы. Видишь, как я все упростил?

– Сигареты? – спросил продавец, обращаясь к стеклу с табаком.

Мужчина вынул небрежную стопку долларов и бросил на кассу.

– И зажигалок на сдачу.

Продавец выложил несколько блоков самых редких сигарет и с десяток зажигалок.

– Еще что-нибудь?

– А здесь еще на что-то хватит? – ухмыльнулся покупатель и сгреб товар в широкий карман кожаной куртки.

За двадцать минут пути по темной трассе мужчина успел докурить первую пачку и уже вскрывал вторую. Дорога сужалась и начинала напоминать бездорожье. Еще через десять минут ехать становилось и вовсе опасно. Как раз на этом отрезке пути на трассе показалась крошечная фигура на огромных чемоданах. Гудок не сработал. Мужчина чертыхнулся и нехотя притормозил.

Девушка поднялась и подбежала к автомобилю с благодарным лепетом. Мулатка с чуть раскосыми глазами. Возможно, филиппинка или пуэрто-риканка. В любом случае

с такой экзотичной внешностью она могла быть только метиской.

– Я так вам благодарна, сэр, – еле дышала она. – Отменили последний рейс, и я... Куда можно сесть?

– А разве я сказал, что можно сесть? – обратился к ней он, не оборачиваясь.

– Но вы же остановились, – поникла девушка.

– Я заблудился.

– Я заплачу, – не отступала девушка.

– Мне деньги не нужны. Снимите номер и, будьте добры, отойдите с дороги. Уберите свои чемоданы, иначе я по ним проеду.

– Я заплачу, но не так... как требуют в местных гостиницах.

– Мне деньги не нужны, – повторил он. – Ладно, садитесь. Но прежде назовите число от одного до трех.

– Три? – удивленно предложила девушка.

– Садитесь, покажете дорогу.

– Правда? – бросилась к своей тяжелой ноше.

Какие бы тяготы она ни изображала, мужчина из машины выйти так и не соизволил. Чемоданы пришлось забрасывать на заднее сиденье тоже своими силами. Она услышала, как сумки упали на что-то мягкое, но значение этому не придавала.

– Как скоро вы меня высадите? – спросила она, разматывая ремень безопасности, связанный в тугий узел.

Мужчина успел выкурить четвертую сигарету за время знакомства с ней.

– Я тоже раньше много курила, – призналась она, чтобы забить нарастающую паузу. – Но на месте, где я работаю, сказали, что у них курят только мужчины либо шлюхи. Я ни тот, ни другая. Пришлось отказаться.

– Рад за вас.

– Как вас зовут, вы сказали?

– Я не говорил.

– Так скажите, – улыбнулась она.

Мужчина бросил на нее взгляд боковым зрением.

– Люк вас устроит?

– Вы мне предлагаете выбрать вам имя?

– Да, вам. Какая разница, кто его дает? Имя не играет ровным счетом никакого значения. Я просто человек. И вы просто человек. Не больше, не меньше. Мы все просто люди.

– А я Кристина, сотрудник по торговле.

– Кристина-сотрудник-по-торговле ваше имя? Пишется через дефис или слитно?

Девушка растерянно улыбнулась и продолжила:

– Я здесь, чтобы продать небольшой участок за городом. Но задержалась, потому что пришлось долго уговаривать клиента. Никто не любит расставаться с деньгами. Непонятно только, ради чего тогда работать... Вы почему усмехаетесь?

– Я усмехаюсь каждый раз, когда лгут.

– Вот как? Я же ничем себя не выдала.

– Вы заснули в автобусе и сошли на последней остановке, потому что вас разбудил водитель. А дальше ждали попутки без гроша в кармане.

– Без гроша?.. Но у меня есть деньги! – запротестовала Кристина. – Вот, посмотрите, – зарылась в сумочке она.

– Думаете, за пять часов сна в общественном транспорте?..

– Да, это глупо, – уронила голову девушка. – Следовало... Пойдите, так это вы меня обокрали! Вот почему вам не нужны мои деньги!

– Вовсе нет. Мне это незачем. Да и как я мог залезть в автобус на машине?

– Неужели? – скептически отозвалась она. – Что, если я загляну в бардачок и обнаружу что-нибудь свое?

– Своего у вас было десять долларов и билет на самолет, который улетел вот уже как восемь часов назад.

Кристина задержала пальцы на дверце.

– Да кто вы такой? – всмотрелась в его бледное лицо девушка.

– Паршивые здесь сигареты, – выбросил очередной окурок на пол он.

Кристина открыла бардачок, не отрывая взгляда от его острого профиля. Помимо газетных вырезок, исписанный тетрадей и потекших ручек, он хранил довольно внушительный пистолет.

Свет габаритных огней и ярких вывесок ударил по стеклам, и девушка вжалась в кресло.

– Остановите, – приказала она.

– Мы выехали на магистраль. Придется вам потерпеть немного.

– Так включите аварийный сигнал!

– Сомневаюсь, что в этой машине еще что-то работает.

– Разве можно водить автомобиль с неисправной системой? Как вас вообще прав не лишили?

– Уже лишили, – спокойно заверил он.

– Вы ведь шутите, Люк? Остановите автомобиль, как только съедете, – отвернулась к окну со сложенными на груди руками девушка.

– К своим вещам я отношусь педантично, уж поверьте.

– То есть это не ваша машина? – изумилась она.

– Хотите узнать, чья она, – загляните в бумажник, – кивнул на бардачок он.

Девушка открыла бардачок с оружием, вынула кошелек и заглянула в него с опаской.

– Чуть больше пятисот долларов, – сообщила она.

– Нищий ублюдок.

– И фотография. Вы на ней блондин... Подождите, это же не вы!

– Вы невероятно наблюдательны, – выхватил кошелек и выбросил его в окно Люк.

– Там были деньги! – воскликнула Кристина. – И я видела

имя на карточке. Том Черил. Пятнадцатый агент. Кто это?

– По всей видимости, владелец этого хлама.

– Вы ее украли?

– Просто одолжил у того, кому она больше не понадобится. Во всяком случае, у ее владельца в данный момент машина в разы лучше. Так что думаю, он не сильно расстроился.

Тишину прерывало шуршание пакета на заднем сидении.

– Не думайте об этом, – бросил Люк, наблюдая за смущенной девушкой.

– О чем не думать?

– Мы съезжаем на дорогу, – предупредил он. – Готовьтесь выпрыгивать.

Темно-синее небо подпирало макушки густых деревьев, и Кристина вжалась в сиденье.

– Я не собираюсь вас насиловать, – успокоил ее мужчина. – Только выброшу, где посветлее и водятся люди. Вы не позвонили своим родителям, хотя обещали это сделать.

– Вы моя совесть или что? – прищурилась она. – И вы хотя бы изредка поглядываете на экран навигатора? Мы отдаляемся от всех жилых мест.

– В таком случае прыгайте, пока не поздно. Я не собираюсь вас насиловать, – повторил он.

– С какой стати вы так часто это говорите? Я могу и обидеться.

– И красть у вас тоже нечего.

Кристина перевела взгляд на отражение в боковом зерка-

ле. Обычно ее красота привлекала мужчин. На секунду она в ней даже усомнилась. Пухлые губы и миндалевидные глаза. Быть может, она просто не его типаж? В темноте отражение исказилось. Девушка выглядела полнее и темнее, чем обычно. Она даже вздрогнула от ужаса.

– Вы меня не интересуете априори. Не потому, что не красивы. А вы красивы.

– А потому... – снова осмотрела его она.

– И не поэтому. Меня вообще ничто не интересует. Кроме задания, которое следует выполнить, – обернулся к ней он. – Кристина, я хочу...

– Смотрите на дорогу, – попросила она.

– Если мы больше не увидимся...

– Прошу вас, дорога!

– Ты должна знать, что у меня...

– Нет! – закричала она, дергая руль.

В тусклом свете фар вырисовался силуэт оленя. Мужчина стукнул ее по пальцам и надавил на тормоз. Однако машина все еще скользила к деревьям, игнорируя поворот впереди.

– Мы едем прямо к оврагу! – снова зацепилась за руль Кристина.

Люк расслабленно откинулся, потирая виски.

– Какая досада, – только и успел сказать он, прежде чем автомобиль перевернулся.

Несмотря на то, что машина несколько раз перевернулась и напоролась на корни деревьев, приземлилась она колесами вниз. Первой в себя пришла Кристина. Девушка откинула слипшиеся от крови волосы и возбужденно выдохнула. По ее телу прошла волна адреналина, которого она не испытывала уже многие годы.

– Это было потрясающе! Надо же! Нам так... – обернулась к мужчине она.

Он упирался лбом в руль. Кристина заметила татуировку в виде креста на его шее. Вероятно, такие носят в тюрьме, подумала она.

Девушка откинула голову водителя и чуть было не вскрикнула, когда увидела его бледное лицо со стеклянными глазами. Из уголков рта не переставала сочиться кровь. Кристина набрала воздуха в легкие, чтобы не терять самообладания. Машина заглохла, но рабочую форму не потеряла.

– Давайте поменяемся местами, – сказала она себе, открывая дверь.

Несмотря на видимую хрупкость, тело мужчины оказалось нелегким, и девушке пришлось толкать его на соседнее кресло ногами. Когда Люк перекатился и занял не самую удобную позу, Кристина опустилась на водительское кресло

и принялась искать ремень безопасности. Ничего подобного не оказалось, и девушка поправила разбитое стекло заднего вида. Автомобиль зажегся лишь с шестой попытки.

– Вы сбились с пути, – сообщил механический голос навигатора.

– Вот уж не думала, – усмехнулась она, закуривая сигарету владельца.

– Маршрут изменен. Двигайтесь триста метров вперед, затем поверните налево.

– Как скажешь, – опустила рычаг и поехала на первой скорости она.

Топливо заканчивалось, но ни стоянок, ни заправок на горизонте не виднелось. Кристина притормозила, чтобы осмотреть карманы попутчика. Бумажник с паспортом и несколькими долларами.

– А еще деньгами разбрасывался, – фыркнула она, зажигая автомобиль. – Интересно, ты мертв?

Она размышляла, о чем будет говорить в суде и будет ли говорить вообще.

– Может, куда проще сокрыть улики? – думала вслух она. – Как считаешь? Что, если тебя никто знает?

Кристина ударила его в грудь с размаху и отскочила от страха, потеряв управление: мужчина громко вздохнул и тяжело закашлялся.

– Черт тебя побери! – закричала она, снова стучая его уже по инерции. – Ты все это время просто спал?

– Что? – перевел на нее растерянный взгляд Люк.

– Ты спал? Видишь меня вообще? – защелкала пальцами у него перед носом она.

За его синими глазами стояла совершенная пустота. Кристина снова толкнула его в грудь.

– Под идиота теперь косишь?

– Простите? – спросил он с детским недоумением.

– Кто ты такой, скажешь мне, наконец?

Люк потер лоб и осмотрелся.

– Не знаю, – искренне ответил он.

Такое сыграть сложно, признала Кристина и тем не менее сильно разозлилась. Особенно когда он потерял сознание во второй раз.

– Ты издеваешься? – выругалась она, щелкая перед его огромными зрачками.

– Поверните налево. Сто метров вперед, – скомандовал навигатор.

Кристина заметила горящую на экране точку и выжала последние капли бензина, чтобы добраться до конечного пункта назначения.

– Здесь ты живешь? – спросила у мужчины она.

Тот все еще не пришел в себя, и осматриваться пришлось одной. Его дом стоял в центре равнины, окруженной глубоким лесом. Девушка не сомневалась в том, что дверь не заперта. И все же, ржавую, открыть ее стоило немалых трудов. Кристина осмотрела полупустые комнаты, захламленные пу-

стыми контейнерами. Две комнаты делил узкий коридор, наполненный смрадным запахом.

Она изучила ванную и аптечку за зеркалом, обнаружила спирт и вернулась к машине, чтобы привести в чувство владельца. Тот дернулся и пробормотал что-то нечленораздельное.

– Давай, парень. Я тебя не дотащу, – протянула руку она.

Мужчина кивнул и поднялся на ватных ногах. Взгляд у него был мутный. Он последовал за ней по коридору и упал на диван напротив телевизора с тем же застывшим взглядом.

– К черту тебя, – заключила Кристина, направляясь на кухню.

Она изучила шкафчики, зажгла счетчик и включила радио на подоконнике. Вернулась к автомобилю и забрала бумаги с оружием.

– Какого дьявола я делаю? – причитала она, заворачивая пистолет в прочную ткань и бросая взгляды на черный пакет.

Перевязанный на скорую руку мусорный мешок вызывал у нее любопытство всю дорогу, и не заглянуть в него девушка не могла. Она вернулась на кухню за скотчем и разрежала пакет вдоль. Пальцы тут же окрасились багровым, в нос ударил запах гнилья. Кристина отбросила нож и отошла от машины на метр. Эту проблему она решила оставить на другой, более спокойный день. Она решила от него избавиться и свернулась в кресле, чтобы уснуть на четырнадцать часов.

Когда она проснулась, хозяин дома все еще пребывал в мире снов. Кристина не стала его беспокоить и занялась уборкой. Спешить ей было некуда и незачем. Днем назад ее уволила компания, которой она верно служила вот уже восемь лет. Она не отмечала свой тридцатый первый день рождения прошлой зимой, потому что ненавидела этот праздник. Она не понимала, зачем салютовать старость и не пожелаала включать мобильный. Она вообще предпочитала им не пользоваться и о том, куда направляется в следующей командировке, никому из родных не сообщала. В этот раз даже брату, от которого раньше секретов не держала.

Время от времени Кристина проверяла, жив ли ее новый знакомый. Его поза со сложенными на груди руками и широко распахнутыми глазами ничего хорошего не предвещали. Она стянула с него сапоги, вытерла запекшуюся кровь с лица и попыталась прикрыть глаза веками. Девушка наблюдала за его сном, потягивая кофе, которого у него было немерено, и осматривая квартиру, пустую и холодную, как глаза владельца.

Первые два дня садиться на диван она не рисковала, но на третий уже подвинула его тело и примостилась рядом, подложив его руку себе под голову.

Вечером четвертого дня она обнаружила его в сидячем

положении с чашкой чая в руках. Она заваривала чай каждое утро и вечер на случай, если он проснется. В конце концов, это должно было произойти.

– Еще, – почти приказал он.

– Ладно, – согласилась она, возвращаясь на кухню.

Вот, – протянула кружку она.

Но к моменту, когда она пришла с новой порцией чая, его глаза уже застыли. Он принял позу лотоса и размеренно дышал.

– Да иди ты к черту, – бросила девушка, поставив стакан на ручку дивана. – Выпьешь, когда очнешься.

Утром пятого дня она решила подойти к машине вплотную и приоткрыть прорезь руками в перчатках. Показались очертания головы. Кристина увеличила прорезь, но посмотреть в лицо погибшего или убитого не решилась. Девушка задержала приступ тошноты и вернулась в спальню.

– Почему чай остыл? – спросил мужчина, и Кристина подпрыгнула от неожиданности.

– Потому что я сделала его вчера.

– Ты выполнила мою просьбу еще вчера?

– Да, я за день знала, что тебе понадобится чай сегодня, – ухмыльнулась она, присаживаясь рядом. – Если хочешь есть, то... не получится. Вся еда закончилась еще вчера. В твоём холодильнике оказалось несколько банок с консервами, которые... В общем, теперь не осталось ничего.

– А нам нужно есть?

– Не знаю, как ты, но нормальным людям это положено. Ты действительно не голоден?

– Не знаю, – задумался он. – Возможно.

Его лицо, еще более бледное, чем при их встрече, исказилось от боли, слезились глаза.

– Как будто если бы я этого не сказала, ты бы голода не почувствовал, – заметила Кристина. – Вот пульт. Посмотри телевизор, а я разведу обстановку. Быть может, все здесь не так пустынно. Зачем ты поднялся? Тебе следует оставаться в кровати. Люк?

Мужчина поднялся с пультом в вытянутых на уровне груди руках и начал переключать каналы, вздрагивая каждый раз.

– Он цветной, – изумленно обернулся к девушке он. – Какой сейчас год?

– Что? – выдавила она. – Две тысячи тридцать второй.

– Как быстро течет время, – улыбался он, рассматривая пульт.

Кристина выругалась про себя и поджала губы, чтобы не сорвать злость на мужчине.

– Прежде чем я уеду, мне нужно кое-что узнать, Люк. Это очень важно, слышишь меня? – повысила голос она, чтобы привлечь его внимание, и выхватила пульт. – Скажи мне вот что. Кто находится в твоей машине?

– У меня есть машина?

– Если это можно так назвать, – медленно закипала она.

– Я не знаю, – нахмурился он.

– Ты издеваешься? – покраснела девушка.

– Не злитесь. Я действительно ничего не помню, – признался Люк.

– Я на тебя не злюсь.

– Но ведь только что вы назвали меня больным убождком. Это крайне неприятно.

Девушка замолкла и перебрала все свои реплики в голове.

– Говорю же, я ничего не помню, – спокойно повторил он. – Даже своего имени.

Люк снова скривился, потирая виски, упал на диван и уронил голову.

– Это твой дом, – спокойно продолжила девушка. – Помнишь, что случилось пять дней назад? Мы...

– Я ехал на работу?

– Ты у меня спрашиваешь?

– Ты меня не знаешь и при этом находишься у меня дома? – уточнил он.

– Согласна, это странно. Но пять дней назад мы попали в аварию вдвоем, ты серьезно ушибся, и я была единственной, кто мог тебе помочь в такой ситуации.

– Я болен? – ощупал лицо он. – Где зеркало?

Кристина раскрыла сумочку, лежащую на кресле, и вынула зеркальце. Люк рассмотрел белое лицо в трещинах и кивнул.

– Твое? – усмехнулась девушка.

– Да, его я помню.

– А теперь осталось вспомнить вот что, – опустилась на корточки у его ног она. – Кто находится в твоей машине?

Люк поднял голову и посмотрел на девушку.

– По-твоему, я болен?

– Я этого не говорила, – почти улыбнулась она.

– Только что.

Кристина действительно об этом подумала, но только подумала.

Глава 2

Кристина обнаружила подвал с запасом консервов, и потребность в судорожном поиске кафе и готовила порции на целое войско. Люк по-прежнему мало двигался и разговаривал, перебирая каналы и не задерживаясь ни на одном дольше секунды.

– Что это? – поморщился он, принимая тарелку макарон с консервами.

– Твоя еда, между прочим, – села в кресло с ногами она и принялась набивать рот. – Своего лица в новостях еще не заметил?

– Заметил только то, что эта вещь умеет разве что рекламировать. Ведь только для этого она и была создана, не так ли?

– Весь мир создан для того, чтобы рекламировать и продавить.

– Я так и понял, – отставил тарелку на пол он. – То, где мы находимся, – всего лишь проекция коллективного бессознательного, а самое худшее, чем мы окружены, — плод только наших желаний.

– Неужели, умник? Значит, мы все в ответе, за то, что ты кого-то убил?

– Прости? – поднял испуганные глаза он.

– За идиота хочешь сойти? В суде такое давно не сраба-

тывает.

– Но ведь я полицейский. Я не мог никого убить, – нахмурился он.

– Значит, что-то ты все таки помнишь, – скривилась Кристина. – Я не могу верить сухим словам.

Люк оглянулся и поднялся на тощих ногах.

– Если это мой дом, то доказательства я найду, – пересек зал он. – А мы с тобой в каком-то родстве?

– Маловероятно.

– Тогда почему ты не уезжаешь к себе?

Вместо того чтобы солгать в очередной раз, она решила сменить тему и симитировать занятость и заинтересованность.

– Проверю кухню, – бросилась в коридор Кристина.

Девушка избавлялась от пустых банок из-под кофе, выбила коврики, наконец, вернулась в комнату и застала Люка в том же положении, что и утром.

– Передумал искать? – обратилась к шкафу с вещами она.

Люк молчаливо наблюдал за тем, как она выворачивает карманы чужих курток и пальто.

– Безразмерные вещи, но грязные и потертые, в твоем стиле. Так что не исключено... – вслух размышляла Кристина.

– Это точно две тысячи тридцать второй? – удивлялся он, сидя в позе лотоса.

– Я, в отличие от тебя, ничего не травмировала.

– Не так я себе его представлял. То есть, в мое время дума-

ли, что в двадцать первом веке машины будут летать, а не ездить по земле.

– В твоё время?

– Тысяча девятьсот пятьдесят втором году, – честно ответил он.

– Вот как, – протянула Кристина. – Что ж, время движется не настолько быстро, как мы полагаем. А машины до сих пор ездят на колесах. Тебе бы не помешало помыться. Как-никак почти неделю в таком состоянии. Или, быть может, около восьми десятков лет?

Люк опустил голову на слипшуюся от крови одежду и волосы, потер шершавый подбородок и отправился в ванную.

– Мыло и станок найдешь за зеркалом, – бросила вслед она.

Люк залез в ванную, подставил голову под ледяной напор и принялся наблюдать за тем, как сменяются кровавые узоры под ногами. Кристина тем временем продолжала выворачивать карманы пиджаков хозяина дома. В одном из них она обнаружила паспорт с фотографией. На ней прическа у него была значительно короче, а глаза темнее. Девушка спрятала документ у себя и взяла чистый комплект одежды.

– Спасибо, – принял костюм через приоткрытую дверь Люк.

В нем он выглядел совершенно иначе. Девушка наткнулась на две пары кроссовок и предложила остаться в туфлях с острыми носами. Люк восторженно воскликнул, когда за-

метил радио на подоконнике:

– Такая вещь и у нас была.

– Неужели? – подошла к нему с галстуком Кристина. – Подними голову.

Люк воткнул шнур в розетку. Заиграла слишком веселая для серой обстановки дома музыка.

– Это современное? – спросил он.

– Нет, скорее уже классика. Современное... – прокрутила каналы она, – вот, например.

Звучала ритмичная мелодия с густыми басами, скрипящим фоном и обработанным, почти компьютерным голосом.

– На такой аппаратуре это странно слушать, – согласилась Кристина. – Это что-то действительно из века прошлого. Я такого даже из детства уже не помню.

– А в каком году ты родилась?

– Две тысячи втором.

– Это человек поет? – не переставал удивляться он.

– Сложно сказать. Сейчас это мало кого заботит. Музыкант – это не тот, кто разбирается в нотах. Скорее в технике.

– А оперные певцы еще остались? Вообще такая профессия, как певец, еще существует?

– Ты задаешь вопросы, на которые очень сложно дать однозначный ответ. Остались, но это скорее предмет какого-то фетиша. Что-то слишком помпезное и для элиты.

– Это печально, хотя оперу я никогда не любил. А это как называется?

– Думаю, электронное... что-то. Я не разбираюсь в современных стилях. Новостей об убийствах не слышно? – снова обратилась к ящику Кристина.

– Я насчитал двенадцать сообщений о смерти, четыре из которых связаны с пожаром, три – с утоплением, а также шесть краж, четыре...

– Достаточно. Нас должно интересовать только похищение человека.

Люк опустил на диван и обхватил колени руками. Такого озноба у него еще не было. Он будто вжался в собственное нутро.

– Так вы не моя жена и не моя любовница? – неожиданно для девушки спросил он.

– В это так трудно поверить?

Люк стремительно поднялся и сжал ее запястье с такой силой, что Кристина вскрикнула от боли.

– Я всего лишь агент по недвижимости, – быстро отчиталась она. – И просто тебе помогла.

– Если не расскажешь все от начала до конца...

Мужчина сжал пальцы на шее девушки и поднял ее на дюйм от земли. Она закашлялась и принялась отрывать его непомерно длинные пальцы, удивляясь невероятной для столь тощего телосложения силе. Люк испугался, когда ее голова запрокинулась, ослабил хватку и поставил девушку на ноги, прислонив к стене. Кристина согнулась пополам, истерично кашляя и набирая воздух в грудь.

– Я действительно агент по недвижимости, а здесь осталась, потому что... Мне больше некуда идти.

– Ты живешь не здесь. И родители твои тоже не здесь живут.

– Верно, – согласилась она. – Здесь я из-за своего молодого человека. Он уехал в командировку, а я решила навестить его без предупреждения. Он дал ключи от своего дома, поскольку мы должны были пожениться через месяц, и я могла переехать к нему. Но как выяснилось, он успел заселить дом какими-то шлюхами. Он их периодически менял. Это здорово подпортило мое настроение, и я отправилась к следующему клиенту сильно подавленной. Разумеется, ему нагрубила и, разумеется, получила выговор в виде увольнения. Уставшая и разбитая, села в автобус до аэропорта, но заснула. Там меня подчистую ограбили. Все. Это все, я клянусь! Ничего криминального. Дальше меня подобрал ты, и мы попали в общую локальную катастрофу. И какого черта это ты меня опрашиваешь? – пришла в себя девушка. – Разве не должно быть наоборот? Я же не спрашиваю, откуда в твоей машине труп и пистолет!

– Потому что мне нечего сказать, – спокойно ответил он, возвращаясь к дивану. – Я всего лишь полицейский, который расследовал дело об убийстве.

– Но это ничего не объясняет и ничего не гарантирует. Где подтверждение? Ты даже именем фальшивым назвался. А ведь это было еще до того, как ты лишился памяти.

– А как меня зовут? – поднял уставшие глаза он.

– По документам, – вынула бумаги из кармана девушка,
—Сет Датруд.

– Так и есть, – спокойно согласился он, рассматривая лицо на фотографии. – Да, это я. Моя одежда и моя причес-ка. Не помню, что у меня было желание отращивать волосы. Чертовски чего-то хочется, – постучал по карманам он.

– Я дам тебе это, если поможешь разобраться с тем парнем в машине, – выдвинула условие Кристина.

Убеждать Люка не требовалось. Он вышел из дома на полусогнутых ногах и распахнул дверь автомобиля.

– Полагаю, вызывать полицию уже поздно, – рассуждала Кристина.

– Почему?

– Конечно, можно было бы еще с месяц-другой с ним потусоваться, – скептически ответила она. – Да раскрой глаза, наконец! Может, в прошлом веке у каждого жителя мертвец и считался чем-то вроде домашнего питомца, но в нашем убийство карается очень жестоко. Что предлагаешь им сказать? То, что мы оставили его в качестве сувенира?

– Но почему ты не позвонила?

– Удивительная проницательность. И не менее удивительная хитрость. Убить человека и заставить постороннего взять на себя вину...

– Если преступление совершил я, то мне и отвечать. Даже ом случае, если я не помню, за что и как убил этого человека.

– Мы не можем оставить его здесь, пока будем разыскивать родственников и виновника торжества, – заметила Кристина.

– Предлагаешь его похоронить, а уже потом заняться расследованием?

Девушка повела плечами, вынула блок сигарет из бардачка и оставила на крыше автомобиля.

– Занимайся этим сам. Вот твои батарейки.

Люк справился с этим заданием менее чем за час. Собрал достаточное количество древесины, развел костер, соорудил ложе для усопшего. Еще через десять минут предложил Кристине проводить мертвеца в загробный мир за компанию. Девушка, хотя и с большим недовольством, бросила уборку на кухне и последовала за ним.

– Я думала, ты его закопаешь, – застыла на пороге она.

– Он должен сгореть, – спокойно сказал полицейский.

– Я еще нужна?

– Да, потому что одному туда идти страшно.

– Ты веришь в то, что его еще что-то ждет?

– Я это знаю. Мир бесконечен, а значит, и человек бесконечен, потому он – часть мира. Жизнь – это лишь подготовка к смерти. Поэтому жизнь по сравнению со смертью почти миг, который не замечает душа. Жизнь – это борьба со смертью. Некоторые умирают всю жизнь. Но только те, кто борется, побеждают. Каждый миг равен смерти. Каждый миг бесконечен и каждый может закончиться. И ты можешь за-

кончиться в любой момент.

– Я не верю в сказки, поэтому боюсь смерти.

– Смерть страшна лишь для тех, кто ее боится. А для тех, кто не боится, ее нет. Они знают, что их ждет. Душа заключена в теле до тех пор, пока с ней не попрощаются и не отпустят.

– Это тот мужчина, чьи документы я нашла в бардачке? Том Черил? – перевела серьезный взгляд на Люка она.

– Понятия не имею, кто это. Можно взглянуть на его фотографию?

– Ты выбросил его паспорт из окна машины перед тем, как мы разбились.

– Но ведь мы не разбились. Мы живы, так? – нахмурился Люк.

– На загробный мир это явно не похоже, – невольно обернулась по сторонам она. – Или похоже?

Кристина отмахивалась от усилившегося запаха гнили, а Люк опустился на холодную осеннюю землю и застыл в позе лотоса с закрытыми глазами. Когда стемнело и ветер стал нестерпимо холодным, она ушла в дом за теплой одеждой и кофе. Люк дождался, когда догорит последняя ветка, а от соломенной горы останется горстка пепла. Ему казалось, будто он прощается с кем-то очень близким. Возможно, самым близким, кого он когда-либо знал. Однако имя Тома Черила ни о чем ему не говорило.

– Нам нужно выбирать, – заявила Кристина следующим утром, добывая последнюю банку с консервами. – Я обнаружила бак с бензином у тебя в подвале, так что...

– Как выглядит современная еда? – спросил он, смотря на ее трапезу с неподдельным интересом.

– Примерно так же. В домашних условиях люди готовят все реже.

– Ты хочешь сказать, женщины готовят все реже, – уточнил он.

– Женщины, мужчины, какая разница? Моя мать особо готовить не любила и всю еду заказывала на дом даже в то время, когда можно было без этого обойтись.

– Твоя мать еще жива?

– Да, и просила позвонить, как доберусь, однако настроения с ней у меня разговаривать нет. Мы вообще с ней ладим не особо хорошо. Честно признать, не думаю, что я вообще когда-либо ее любила или хотя бы уважала. Она мне не родная. Еду приближают к той, которой питаются космонавты, – перевела тему Кристина. – Минимум вкуса – максимум пользы.

– А мясо едят до сих пор?

– Как видишь, – сказала она с набитым ртом. – Но я мясо ем только в крайних случаях.

– Ты вегетарианка?

– Не обязательно навешивать ярлыки на тех, кто что-то не делает. Не верует – значит атеист. Не ест мясо – значит вегетарианец. А как называются те, кто мясо ест?

– Морбосарианец? – пожал плечами Люк.

– В таком случае, лучше оставить все как есть.

Он внимательно осмотрел ее облегающие штаны и свитер.

– Это обыкновенная консервативная одежда, – заметила его любопытство Кристина. – Так мы будем собираться? Если ты полицейский, то твое имя, вероятно, осталось в какой-то базе данных. Хотя как по мне, так ты скорее беглец из клиники Дарсон.

– В базе данных?

– Каждый человек содержится в какой-то базе данных, – устало пояснила она. – Информация о нем хранится на глобальном компьютере. И ты не исключение, даже если умер полвека назад. Твои предпочтения, привычки, желания – все это достояние общественности.

– Чему здесь удивляться? – поморщился Люк. – Чем скуднее жизнь, тем мощнее мир, который создает воображение. И чем глубже мир в мире, за которым наблюдают, тем ярче картинка и шире возможности.

– Наркотики в наше время нелегальны. Шестидесятые закончились много лет назад, – предупредила она. – Собирайся, мы едем. Помнишь, как водить автомобиль?

– А этого нет в базе данных моих возможностей?

– Не будем рисковать, – взяла ключи со столика она, чтобы занять место водителя.

Пустая дорога и такая же автострада сопровождала их на протяжении двух часов. Наконец, показался первый признак жизни в виде стоянки. Кристина заполнила бак на деньги, собранные в карманах Люка. В общей сумме их оказалось немало – в районе тысячи евро разным номиналом. Помимо евро она обнаружила денежные единицы других государств, многие из которых не встречала даже в выпускающих такие купюры некогда странах.

Она остановила у придорожной закусочной с отвратительной едой и неприветливыми официантками, заказала пару гамбургеров по электронному каталогу и вставила указанную на табло сумму. После чего подсела к старику, читающему газету.

– Простите, вы не знаете, что здесь можно проглотить не морщась? – поинтересовалась у него она.

– Здесь все одинаково паршиво, – ответил он, не отрываясь от чтения. – Но с треской можно даже разжевать.

– Положите туда курицу, – бросила официантке она, и та недовольно надавила на кнопку с изображением рыбы.

– Мне неловко есть за твой счет, но альтернатив нет. Я, как ты, воздухом питаться не могу, – отчиталась она, кусая огромный бутерброд. – В моей семье всегда кормили обильно. В моей настоящей семье, я имею в виду.

– Каждая семья настоящая, – заметил Люк.

– Мама мексиканка с пуэрто-риканскими корнями, а отец португалец с китайскими и еще черт знает с чем, – пропустила его слова девушка. – Они оба обильно готовили. Обильно, остро и очень вкусно. Я скучаю по их жирной кухне каждый раз, когда заливаю очередной пакет с неопределенной смесью микроэлементов. Эта вещь бессмертна, – покачала перед лицом Люка кунжутной булочкой она. – Редкостное дерьмо, но все же лучше всяких консервов.

Она ела с таким аппетитом, что старик отложил газету и принялся за свою яичницу.

– Вы, ребята, как из тюрьмы сбежали.

– Так и есть, – ответила Кристина. – Но мы хотим сдаться и поэтому ищем ближайший участок.

– Через минут двадцать первый. В нем работаю я, – продемонстрировал значок старик.

– Мой друг тоже полицейский, – махнула в сторону равнодушного Люка она.

– Хороший полицейский знает толк в хорошей еде. Ваш друг хороший полицейский, раз ничего здесь не съел. Но он много курит. Я тоже по молодости много курил.

– Поэтому умрете через пару месяцев, – вставил Люк.

Кристина поспешила поместить остатки бургера в рот и увела спутника, извиняясь и благодаря. После чего заняла водительское место и завела двигатель лоснящимися от жира пальцами.

– Открытий мы почти никаких не сделали, – рассуждала

за рулем она. – Разве что ты бываешь ублюдком время от времени. Но это мне стало известно еще при знакомстве. Я имею в виду, ты прозорливый сукин сын, знаешь об этом? Как тебе удастся замечать то, до чего остальные никогда не догадываются?

– Люди ведут себя очень странно, когда лгут. Это что? – указал на горящую вывеску он.

– Бар, – ответила Кристина, сбавляя скорость автомобиля. – Можем зайти, уже начинает темнеть.

– Твое предложение не оставляет альтернатив. Ты тоже со мной пойдешь?

– А что же я, по-твоему, какой-то аксессуар, который можно забыть в бардачке?

– Нет, но ты мне никто, – откровенно ответил он.

– В любом случае твои деньги почти на исходе. Дерьмом собираешься заправлять машину? В тебе ведь его хоть отбавляй, – бросила она, толкая дверь.

Люку бар понравился благодаря богатому выбору табака, а Кристине – алкоголя. Та заказала пять шотов и сразу же их опрокинула. На сцене танцевали три неестественных латиноамериканки, похожие друг на друга как три капли. Полицейскому оставалось только удивляться тому, как им удастся не только стоять, но и так грациозно двигаться. Кристина отправилась танцевать, а Люк все еще не мог подавить тошноту к алкоголю. В конечном счете, сдался и заказал сигарет.

– Глупо брать сигареты в баре, – заметил мужчина в стро-

гом костюме. — В магазине напротив раз в пять дешевле.

— А ты что в этом смыслишь? — огрызнулся бармен.

— Все, — изменился в лице он. — Я вписал эти цены в твою карточку. Это мое заведение.

Бармен поежился и посмотрел в его красивое, но изъеденное сигаретными пятнами лицо. Тяжелые веки, слезающие на глаза, придавали ему сходство с котом.

— Так нельзя пить, — заявил он своим низким голосом. — У всего есть традиция, даже у такого неблагородного занятия, как это. Другое дело, как ты куришь. Словно кислород вдыхаешь в наполненном газом помещении. Я Дино Синови, владелец этого притона и еще около двадцати подобных, разбросанных по штатам.

— Ясно, — кивнул Люк.

— А ты?

— А я нет, — спокойно ответил он.

— А это? — кивнул на Кристину тот.

— А это мое.

— И как зовут твое?

— Зовите моим, — беззлобно ответил Люк.

Дино посмотрел на посетителя с прищуром и улыбнулся.

— Необычный вы клиент. Как вы все это находите? — махнул в зал Дино.

— Никак, — не отводил взгляда от Кристины тот.

— Просто меня интересует мнение незнакомцев. Те, с кем я знаком, открыты для меня как книга. В мире около пят-

надцати миллиардов людей. Разве вам не хочется познакомиться с каждым из них? Узнать что-то новое?

Люк почувствовал сильный отток энергии. Ноги окоченели и слегка подкосились.

– Что вы делаете? – спросил он, хмурясь.

– А что я сделал? – все еще улыбался Дино. – Раз уж вы скупы на разговор, то я додумаю ответы за вас. Ведь общество так всегда поступает.

– В таком случае, вы обратились не по адресу. У меня вообще нет мнения. Только интуитивные догадки.

Люк почувствовал легкую хмель и слабость, которая начала развязывать язык.

– Почему вы боитесь поделиться тем, что думаете? В наше время это называется невоспитанностью, – заметил Дино. – Уверен, мы одного мнения на счет того, что происходит на самом деле.

– Существует массовое заблуждение на счет того, что такое «на самом деле». Если небо внезапно исчезнет, никто из людей этого не заметит. Или сделает вид, что не заметит. Мозг просто заполнит эту картину чем-то более для него реальным. Он просто не допустит того, чего по его определению быть не может. А ведь на самом деле все, что здесь построено – ваш клуб в том числе, – всего лишь иллюзия ограниченного пространства. Мы ходим по голой земле собственной фантазии.

– Кем вы работаете? – прищурился Дино.

– Я полицейский.

– Женаты?

– Возможно, – растерялся Люк. – Я помню, что у меня была какая-то женщина.

– Плохая у вас память на такие вещи, – усмехнулся мужчина.

– Можно ли считать за биографию то, чего не помнишь?

– С вашей перспективы – нет.

– Значит, не женат.

– В любом случае, вашу биографию можно проверить, – опрокинул остатки вина Дино.

– Каким образом?

– Ваша спутница ничего вам не объяснила? – удивился тот. – Вы сразу показались мне странным. Передвигаетесь на автомобиле образца сорокалетней давности, платите наличными, что сейчас большая редкость.

– Наличные – это редкость?

– В большинстве европейских и азиатских стран, а также Америке – да. Мы в Америке. О вас должно быть известно все, даже если вы находитесь на другой планете.

– С какой стати?

– Затем, что вы – не отдельная единица. Вы не личность. Разве только вы... – пригнулся и заговорил тише он, – не пытаетесь обмануть систему. Те, кто пытается противостоять общественному началу, – враги цивилизации, понимаете?

– Откровенно говоря, нет.

– У вас есть какие-то секреты от общества? – спросил напрямую он.

– Боюсь, что мне нечего скрывать, я сам ничего о себе не знаю, – признался Люк.

– В таком случае следуйте за мной, – обернулся к двери выхода хозяин клуба.

Прежде чем покинуть заведение, Люк бросил взгляд на танцующую в толпе Кристину. Как и следовало полагать, она уже нашла компанию. На этот раз полного мужчины средних лет. Полицейский столкнулся с ним взглядом и, показалось, заметил какой-то испуг в его светлых глазах, но значения ему не придал.

Дино перешел трассу и остановился около автомата, наминавшего телефонную будку с аппаратом, состоящего из кнопки, огромного экрана и прорези под ним. Люк встал за спиной мужчины, наблюдая за его действиями. Тот вынул прозрачный пакет с кристально белой перчаткой и натянул на руку как можно плотнее.

– Если на ней окажется хотя бы одно постороннее вещество, система заподозрит неладное и раскроет защиту, – пояснил Дино, надавливая на кнопку рукой в перчатке. – Подставь указательный палец, – указал на изображение с отпечатком он.

Люк помедлил и все же прикоснулся к экрану. Раздался треск, изображение поменяло цвет с зеленого на красный. Дино постучал по аппарату кулаком и посмотрел в лицо но-

вому знакомому с удивлением и страхом. После чего дернул его руку и поднес к свету лампы.

– Ты протестант! – изумленно прошептал он.

– Я не могу протестовать, потому что не знаю устройства вашего мира, – скучающе признался Люк.

– Тогда зачем стер отпечатки? – повернул к нему его же пальцы Дино. – Они совершенно чистые, никакого рисунка! Это против закона!

Люк подставил ладони к свету и понял, о чем говорил мужчина. Его пальцы и ладони были совершенно плоскими и лишены узоров.

– И почему ты разгуливаешь так спокойно? Такие люди должны сидеть дома, запершись на все замки, – продолжал Дино с горящим взглядом. – Посмотри.

Он выставил руки, демонстрируя многочисленные шрамы.

– Теперь протестовать бесполезно. Мы стали цифрами. Теперь даже подумать без постороннего вмешательства сложно. Известно то, что я алкоголик и развратник. То, что устраиваю оргии каждые выходные и трачу львиную долю денег на проституток. Когда я хочу познакомиться с какой-нибудь приличной девушкой, она вскрывает мою систему и лицезрит всю мою подноготную. У меня нет шанса исправиться. В этом мире нет прощения. Я никогда не женюсь, и у меня никогда не будет семьи, потому что я номер два три семь один пять ноль девять четыре два.

– Вы сами себе хозяин и можете остановить это в любой момент, если захотите. Вас никто ни к чему не обязывает. Вы не останавливаетесь лишь потому, что не хотите это прекращать. Эта слезка всего лишь повод ничего не менять.

– Мы всего лишь продукты, производящие новые продукты. Вас такая ситуация не пугает? – удивился Дино. – Против чего же вы протестуете?

– Я не протестую, но любое лишение свободы выбора меня действительно пугает. Если вы хотите вести такую распутную жизнь дальше, никто не может вам помешать. И никто не вправе указывать вам на то, как распоряжаться жизнью. Не сетуйте на то, что кто-то мешает вам измениться. Вас устраивает текущее положение вещей, только и всего. Если вы считаете нормой алкоголизм и распутство, значит, для вас так оно и есть. До тех пор, пока они не нарушат прав других людей. Я вам не судья и даже не полицейский.

– Так вы действительно полицейский? – усмехнулся Дино.

– В это так трудно поверить? – добродушно отреагировал Люк.

– Я бы тоже с удовольствием присоединился к протестантам. Я устал жить в мире, в котором нет места случайностям. Где мы выбираем не любовника, а напарника по размножению. Поиск отнимает уйму времени, а время – высшая ценность. Где любую физическую работу выполняет техника. Где любой недостаток можно исправить в считанные секунды. Даже последнюю стадию ожирения. Где мы добровольно

лишаем себя тех возможностей, на которые способны. Мы делаем себя безвольными, еще более неприспособленными к жизни. В таком комфортном загоне не останется места ничему.

Люк взглянул на пустую ладонь и направился в бар, чтобы забрать Кристину.

– Кажется, эта девушка ушла, – бросил ему вслед хозяин заведения.

– Кристина? – уточнил Люк. – Но когда?

– Около пяти минут назад. Уехала с каким-то мужчиной.

– Вы уверены? – присмотрелся к его глазам полицейский и с горечью заключил: – Вы не лжете.

– Я не стану лгать Первому, – криво улыбнулся тот.

– Первому? – замер у двери автомобиля он. – Первому посетителю?

Дино только пожал плечами, все еще улыбаясь.

Глава 3

Наедине Люк чувствовал себя заблудившимся иммигрантом. Кристина успела стать его проводницей. Без нее он блуждал словно слепой в пустыне. С управлением автомобиля он разобрался быстро. По прошествии десяти минут он водил точно профессионал со стажем длиною в жизнь.

Полицейский похлопал по карманам свободной рукой в поисках сигарет. Последняя пачка пустовала, и он вспомнил, что все найденные в его доме деньги находятся в распоряжении Кристины. Он подумал, что в его квартире должны были храниться хоть какие-то накопления и напоминания о прошлом. Ведь фотоальбомы с хроникой есть у каждого, и он не может отличаться от остальных настолько разительно. Перед его глазами на мгновение возник образ рыжеволосой девушки с ярко-зелеными глазами, который он предпочел оставить до лучших времен.

Навигатор показывал новый пункт назначения через тридцать километров. Незаселенные трассы сменились захламленными мусором трущобами. Один из этих серых многоэтажных домов хранил квартиру Люка. Подъездная дверь была выбита и висела на одной петле.

Люк не знал, какая из квартир принадлежит ему, и на всякий случай дергал ручки каждой. Пролет, заваленный бочками, газетами, пустыми банками. Краска почти выцвела,

а стены отслаивались пластами. Запертой оказалась только квартира на первом этаже. По звонку на порог вышла пожилая дама с котом на руках.

– Тебе чего? – грубо спросила она.

– Вы меня знаете?

– Может, и знаю.

– Я здесь живу?

– Сложно сказать. Ты здесь редко появляешься. Но если появляешься, то живешь на последнем этаже. Хотя какая разница? Ночуй в любой. Все они одинаковы.

– А ключи я вам на всякий случай не оставлял?

Люк вспомнил, как в прежние времена отдавал ключи соседям на хранение.

– С какой стати? – фыркнула она. – Здесь ни одна, кроме моей квартиры, сроду не закрывалась. Такое ощущение, что только я пытаюсь сохранить видимость того, что было раньше. Не поверишь, но у меня даже кое-какие вещи уцелели.

Она хлопнула дверью, и Люку оставалось разве что последовать ее совету. Однако каждый раз он натывался на хозяев, спящих на полу в гуде мусора.

Его собственностью оказалось просторное пристанище с огромной кроватью из погнутого матраса на скрипящих пружинах и деревянным шкафом длиной в стену, столика, кресла и телевизора из пятидесятых годов. На столике у окна гнили цветы, окруженные окурками, полными и пустыми бутылками из-под виски. Люк откупорил еще запечатанную

и рухнул в кресло напротив выключенного аппарата.

Он просидел до вечера, опустошив остальные бутылки и так ни разу не захмелев. Наконец, поднялся и просканировал шкаф в поиске сигарет. В карманах грязной одежды копилась какая-то мелочь, которой бы не хватило даже на четверть пачки. Тогда взгляд Люка привлекла вырезка с огромным заголовком: «Ограбление, совершенное никем. Не пойман – не вор».

Он выдвинул один из ящиков и наткнулся на целую стопку статей о преступлениях. Никакой связи между ними он не усмотрел. Одни заголовки кричали об ограблении, совершенном невидимками, вторые – об исчезновении людей, третьи – об убийствах без свидетелей. Под грудой вырезок хранилась неаккуратно сложенная пачка денег разной валюты и банковскими счетами, с десятков документов с фотографией Люка, но с разными именами на каждом. В углу шкафа под коробками из-под обуви ждала не меньшая удача – несколько блоков сигарет. Там же сложенные кое-как амулеты с изображениями животных и знаками, которые показались ему знакомыми, кожаные повязки, темные очки разных форм. Он уже не сомневался в том, что квартира принадлежит ему – разница между ней и домом, который он посетил ранее, была незначительной – поэтому деньги он мог тратить со спокойной душой.

Коридор напоминал салат из всего, что можно поместить в квартиру: стиральная машина рядом с холодильником, зер-

кало за стеллажом с посудой. Люк забросил грязную одежду в машину и перебрал чистую. Удивительным образом ютились в его шкафу вещи спортивные и классические, строгие костюмы и свободные штаны, старомодные и современные. Он надел самую удобную, на его взгляд, одежду: свободную рубашку без рукавов, черные брюки, круглые очки и массивные ботинки. Украшения с рук и шеи он снимать не стал. Остановился напротив зеркала, раскинув руки в стороны, и осмотрел себя в полный рост. Подошел ближе и пригляделся к бледному лицу и таким же глазам. Его удивило полное отсутствие радужки. Из угла в угол глаза бежали только зрачки.

Он вернулся к стиральной машине, которая к тому моменту уже закончила работу, сложил деньги с документами в отдельный пакет и собрал пустые бутылки. Выносить мусор он далеко не стал – подъезд и без того приходился свалкой – и вышел на узкую улицу в поисках приличного кафе. Таких поблизости не оказалось, и ему пришлось посетить забитый уголок на шоссе. Слишком уютный для мусорных притонов с безликими высотками. Он удивился чересчур низким ценам, но официантка пояснила, что это как раз у него слишком много наличных для одной чашки кофе.

– Здесь хватит на то, чтобы купить это место, – усмехнулась она.

Девушка была приверженницей свободного стиля. Несмотря на светлый тон кожи и европейскую внешность,

она носила бинди и круглую серьгу в носу. При этом одежда была неформально: порванная футболка, американская пилотная куртка с нашивками, легинсы и тяжелые сапоги на высокой подошве.

– Такие цены только у вас?

– Считай, что так, – бросила она в ответ.

Ее непреднамеренная ложь, вызванная скорее растерянностью, подействовала на него незначительно, и все же он схватил ее запястье по инерции.

– А если честно?

– Не сказать, чтобы только у нас, – протянула девушка. – Во внешнем мире цены куда ниже, но нам нужно как-то себя поддерживать. Это нелегко, знаете ли. Мы с хозяином едва перебиваемся.

– Во внешнем мире? – напрягся Люк, отпуская ее руку.

Девушка застыла, глядя на него с усталой иронией.

– Совсем из ума вышел?

– Выходит, вы меня знаете? – ответил вопросом на вопрос он.

Девушка только улыбнулась, щуря подведенные мелом глаза. Было заметно, что поведение мужчины кажется ей нарочно фальшивым.

– Это какая-то игра, Гари? – спросила она, опустив блокнот с заказом.

– Гари? – переспросил он.

– Если хочешь сохранять нейтралитет, я даже спрашивать

не буду зачем. Значит, так оно и надо. Передать остальным, чтобы ничего у тебя не спрашивали?

– Остальным?

Она вытянула шею, скептически покачала головой и отправилась на кухню. Мужчина выкурил несколько сигарет, дожидаясь заказа. В состоянии покоя он выглядел инертным, даже почти спящим.

– Если тот мир внешний, то это, стоит полагать, внутренний? – спросил Люк, когда она вернулась.

– Боги, скажи, что делать, – процедила сквозь зубы девушка.

– Просто расскажи все что знаешь. Сделай вид, что мы незнакомы. Что я человек из внешнего мира. Объясни, в чем отличие и что нас держит здесь, а кого-то другого там? Есть ли между вами война? Мне нужно быть в курсе всего. Ведь мы чем-то занимались, верно? – уточнил он.

– Ну, разумеется, Гари. Ты один из первых, кто отказался принимать иллюзорный мир. Ты самый главный наш проводник. Ты Первый.

Люк потер переносицу и тяжело вздохнул. Совсем недавно, какую-то неделю назад он жил и работал в пятидесятых, зарабатывая для семьи на обывательской работе. Как он мог стать чьим-то проводником?

– А этот мир, выходит, настоящий?

– Можно и так сказать, – пояснила она. – Мир беженцев, отбросов, которые не желают становиться частью иллюзии.

От тех, кто не желает верить системе, безжалостно избавляются.

– Дай мне секунд десять, – потер лоб полицейский, разглядывая пустые глазницы в отражении чашки. – Получается, мы просто бежали от того, чей частью не хотим становиться?

– Пока прогнозы туманны, – пожала губы она.

– И мы не хотим ничего изменить?

– Показать нам, куда идти, – твоя обязанность. И до сих пор ею остается.

Девушка выставила запястья с татуировками в виде чуть повернутых вбок крестов.

– Перекресток, – подсказала девушка. – Символ трудности выбора. Во всяком случае, у нас есть выбор. Этот знак носят все, кто не согласен. Те, кто еще борется за права и свободу. Кто выступает против кодовых номеров, по которому можно вычислить все, что тебя касается. Даже местоположение на текущий момент.

– У меня эта метка тоже есть?

– Ты ее и придумал, – улыбнулась девушка. – Многим приходилось скрывать свои намерения. Такая метка у тебя на шее сзади.

Чем глубже он вникал, тем меньше понимал ситуацию, в которой оказался.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Нам запрещено говорить имена. И это твое правило.

Но если ты не прочь его нарушить, то Махарди. Ты зовешь меня просто Махой.

– Люди во внешнем мире тоже носят имена?

– Условно да, но для государства и компаний, на которых работают и которым принадлежат, они просто двоичные коды. Мешки энергии, состоящие из нулей и единиц.

– И только поэтому мы бежали? Поэтому стали отщепенцами?

Маха обошла мужчину стороной и откинула волосы с его шеи.

– Странно, вроде бы и понимаю, что это ты, но никак не могу отделаться от мысли, что ты шпион, – вернулась на прежнее место и посмотрела в его глаза девушка. – Вот уже пятнадцать минут на тебя направлен прицел моего пистолета, но я не выстрелю до тех пор, пока мои подозрения не оправдаются. Ты всегда вел себя странно, однако к такому поведению все привыкли. Теперь ты словно бы не ты во все. Конечно, я пообещала исполнять каждое твое поручение и даже повторю твои же слова. И все же, это странно.

Полицейский кивнул, девушка опустилась на стул и взяла сигарету из его пачки.

– Люди внешнего мира несвободны, потому что у них нет права выбора. Они зависимы от всего материального. Выполнить даже самую элементарную работу они не в состоянии. Окружающий мир их не устраивает, но изменить его они не хотят. Для этого они создали новый мир, иллюзор-

ный. Тот, что находится у них голове. Они программируют мир вокруг таким, каким хотят его видеть.

Маха достала квадратное устройство, практически прозрачное по ширине, и запустила нужную программу одним нажатием пальца.

– Я этим пользуюсь нечасто, правда, – покраснела она. – Знаю, ты это запрещаешь, но никаких личных данных я нигде не оставляю, клянусь. Я даже кэш путаю, чтобы они не понимали, что конкретно я ищу. К тому же я пользуюсь программой одного крайне известного и крайне скрытого хакера. Она позволяет блокировать любое проникновение системы в личные ресурсы.

– Как знаешь.

Маха развернула прозрачный двусторонний экран. Проступило объемное изображение людей с очками, закрывающими большую часть лица.

– Им кажется, что они живут. Что они делают что-то значимое. Они оправдывают свое бесцельное существование жизнью внутри. Им кажется, будто они индивидуальны, независимы. А на деле, они рабы техники, государства и кредитов, которых накопили в огромном множестве. Они не видят выхода и поэтому отключаются от реальности. Наш мир отличается лишь тем, что мы хотим жить, хотим создать. Своими силами, а не с помощью устройств. Они отказываются принимать такой мир.

– То есть люди действительно не покидают своих домов?

– Точно гусеницы, не выходящие из коконов. Они так не создали космических кораблей и не совершили космических путешествий, потому что им хватает господства внутри себя. Там, в собственной реальности, они короли и гении. Там отсутствует конкуренция. Они всегда первые. И если что-то идет не так, значит, они просто не заплатили по кредитам своей фирме. В их голове начинается полное безумие. Их просто разрывает внутри собственного мира снова и снова. Они не могут выбраться и застревают в этом безумии навечно. Их разум не умирает, потому что минута здесь длится сотню лет там. Они вынуждены блуждать по лабиринтам своего подсознания бесконечно, не видя конца. Они теряют контроль над собственной реальностью и попадают в мыслительный ад.

Открылась анимированная картинка с изображением счастливого мужчины на берегу моря. Он поднял коктейль, салютуя девушке, похожей на Мерлин Монро.

– Она еще жива? – удивился Люк.

– Они могут позволить все что угодно. Создавать фильмы с помощью сознания с самыми невероятными эффектами и развитием сюжета, после чего транслировать по общей сети. Могут обедать с погибшими звездами. Да что уж там! Могут на них жениться и сбрасывать фотографии своим друзьям. В их реальность.

– Но ведь вероятен факт, что кто-то захочет жениться на одной и той же знаменитости. Что тогда происходит?

– Голограмма разрывается вместе с их сознанием. Поэтому лучше семейные снимки держать при себе. Либо показывать друзьям из своей реальности, создавая эскизы старых друзей. Какая разница, настоящие они или нет, когда можно окунуться в иллюзорный мир с головой и не чувствовать дискомфорта? Всего лишь выплачивать долги по кредиту и жить беззаботно до конца... До какого они хотят конца. Они сами придумывают, сколько им жить и как умирать.

Женщина, подающая руку принцу из популярного некогда мультфильма. Мужчина в темном костюме супергероя и мальчик, включенный в сюжет любимой книги. Все они соблазняли счастливыми лицами зрителя, что смотрел на экран.

– Ты можешь стать частью чего угодно, – описала фотографии Маха.

– Но что, если их отключить принудительно? Или если выйдет из строя система?

– Они потеряют память. Вся информация об их жизни, по сути сама жизнь хранится на жестком диске. Они просыпаются в полном неведении. Причем забывают и ту жизнь, что вели на диске, и ту, что была до нее. Они сходят с ума, узнавая о том, что происходит вокруг. Разумеется, эта информация конфиденциальна.

– Но даже если всплывет, люди ее проигнорируют.

– То же самое ты говорил, когда это произошло около года назад. Ты слил информацию о замыкании более чем трех

тысяч программ. Никакой реакции. Даже среди тех, кто был временно отключен или еще не подключился.

– Системный брак не исключен при создании любой техники большими тиражами. Но в данном случае речь идет о человеке.

– Больше, о его душе. Она не умирает и вынуждена петлять внутри сознания трупa. Это хуже, чем кошмар наяву. Сначала человек создает идеальный, с его точки зрения, мир. К хорошему быстро привыкаешь. И вот он уже забыл о том, что когда-то его создал. Он убежден в своем бессмертии. В том, что умеет летать, потому что в его мире все рождается с крыльями за плечами. Но вот что-то пошло не так, и происходит замыкание в устройстве и порядке его мира. Представь, что кто-то берет твой мир своей огромной рукой и сжимает до размера грецкого ореха или выбрасывает в черную дыру. Либо же просто его лопают, включают невесомость на поверхности земного шара и оставляет все человечество твоего сознания подвешенным в центре пустой галактики. Вариантов много. И если носитель запрограммировал организм созданного сознанием человечества на абсолютное выживание, то есть лишил низших потребностей, сам понимаешь, все это человечество обречено на бесконечный космический полет в центре небытия.

После длительной паузы, выделенной на переваривание информации, Люк очнулся.

– Остался хоть кто-нибудь по-настоящему живой?

– Во внешнем мире только программисты и корпорации, на которые те работают, и процентов двадцать от прочего населения.

– А подобные этому места еще есть?

– Разумеется. В Америке их не менее десяти, еще пять в Европе. Они разбросаны по всему земному шару, только это не афишируется. Против них не воюют, но только до тех пор, пока они не ступят в мир внешний. Считается, что аноним, перешедший черту, несет в себе преднамеренную угрозу для иллюзорного мира. Территория этого сектора начинается десятью километрами южнее и расстилается еще на двадцать километров к северу. Некрупный, но никто и не говорил, что он самый большой.

– А люди с чипами...

– Прокаженные.

– Они не могут присоединиться к нам, если уже помечены?

– Могут, если очистятся от меток. В том числе имен. Но зачем им это? Они плавают по своим утопиям и бросать их ради реальности не намерены. Реальность, в которой работают? – фыркнула она. – Увольте! Их лишили права выбора, поэтому они разучились видеть настоящее.

– Маха – не твое настоящее имя?

– А кто говорил, что я была прокаженной? – оскорбилась девушка. – Это мое имя, потому что меток я никогда не носила. И вообще согласилась на такую жизнь одной из первых.

– Прости, – неловко улыбнулся он, приступая к остывшему кофе. – Но это звучит как мракобесие. И этот крест... Какое-то навязывание религиозных взглядов. Подобное существовало и в мое время.

– Полагаешь, я шучу? – разозлилась Маха.

– Нет, я уже почти ничему не удивляюсь. Но крест – это уже навязывание.

– Не крест. Перекресток, – строго поправила она. – Этот знак придумал ты. И он не привязан ни к какой религии, потому что ты не причислял себя ни к какой из известных вероисповеданий или философий. Это знак выбора, который делают уже в сознательном возрасте.

– Неужели знаки имеют такое принципиальное значение?

– Знаки несут материальную печать. Так нелепо и глупо пересказывать слова человеку, который сам же их произносил, – вскинула голову девушка. – О важности меток знали все правители. Свастика тебе удачи не принесет, будь уверен. Есть что-нибудь будешь? Вид у тебя неважный.

– А обычно я что-нибудь ем?

– Когда как. Ты вообще все решаешь спонтанно.

– Человек внешнего мира чем-нибудь питается?

– Человек внешнего мира, – скептически повторила она. – Человек вымирает как вид. Становится хуже машины. Машины хотя бы что-то делают. Человек внешнего мира питается энергией и старается обходиться без еды в привычном ее понимании.

Люк заметил за кассой пожилого мужчину, в каких-то лохмотьях: радужной футболке, спортивных штанах и тапочках.

– А это кто? – махнул он в его сторону.

– Хозяин магазина и мой начальник по совместительству. Его сын Том живет во внешнем мире. Жил, точнее сказать. Некоторое время назад его не стало.

– То есть? Что-то вышло из его системы?

– Нет, его похитили. Возможно, убили. Никто не знает.

– Я знаю этого мужчину? – привстал Люк.

– Время для разговора не самое подходящее, – поспешила за ним Маха.

– Добрый день, сэр, – остановился у кассы напротив старика полицейский. – Мне нужно поговорить о вашем погибшем сыне.

Старик бросил утомленный взгляд на девушку. Той осталось только раскинуть руками.

– Я его просила, но что толку?

– Что ты хочешь знать, Гари? – обошел стойку и опустился на стул старик.

Люк заметил, что у мужчины слишком дрожат руки для того, чтобы прикурить сигарету, и помог ему.

– Что-то вышло из системы? – переспросил у старика он.

– Понятия не имею, – покачал головой тот. – Не подумай, что мне плевать на судьбу сына. Все его осуждали, но, в конце концов, это его выбор. И никто не вправе навязывать ему

свою точку зрения. Пусть бы жил как угодно, только жил. Ведь он мой сын, а у меня больше сыновей нет.

– Как давно он исчез?

– Около недели назад, как мне удалось выяснить. Хотя контакта я с ним не поддерживал больше года.

– Выходит, с вами кто-то связался?

– Да, мне сообщили, что мой сын не выходит на работу вот уже два дня. Понятия не имею, как им удалось достать мой адрес.

– Во внутреннем мире есть телефоны?

– Хотя бы этой роскоши нас не лишай, – усмехнулся старик. – Не знаю, зачем взял трубку. Видимо, не до этого было. Я сильно переживал. Переживал настолько, что – прости, Люк, но я не мог этого не сделать – навестил квартиру сына. Клянусь, я не оставил ни единой нашей координаты. Ни одного намека. Всего лишь осмотрел квартиру Тома и забрал кое-какие вещи, которые смогут облегчить поиски. Том, знаешь ли, мальчик очень скрытный. На публике появлялся редко, ни в какой связи замечен не был. Среди его вещей на рабочем столе я обнаружил стопку визиток и его текущее задание. Уж не знаю, кем он работал...

– Полиция дом осмотрела раньше вас?

– Мне ничего не доложили, но уверен, что так.

– С тобой беседовали? – спросила Маха.

– Только насчет его работы. Но я и сам понятия не имею толком, чем он там занимался. Вроде поиском каких-то ви-

русов или багов. На этих визитках неполный список личностей, которых он разыскивал.

Люк просмотрел педантично разложенные по датам карточки. Последним числился некий Л. Даргас.

– Не знаете, кто этот Л? – спросил у старика он.

– Преступник и убийца Люк Даргас, – пояснил тот. – Во всяком случае, так говорят документы. Их мне забрать не позволили.

– И как выглядит этот Люк? – начал волноваться полицейский.

– Никто его не видел. Никто даже не знает, из внешнего он мира или же внутреннего. Не известен ни его возраст, ни происхождение. Разве что пол.

– Что значит неизвестно, к какому миру он принадлежит? Если он убивает людей из внешнего мира, значит, он должен находиться где-то среди нас.

– С чего ты взял? – прищурился старик. – Мы не хотим причинять вред людям из внешнего мира. Среди них наши дети, родители, друзья.

– Наши враги не они, – пояснила девушка. – А система, которая ими манипулирует. Мы хотим всего лишь открыть им глаза на реальные вещи, но никак не... Это противозаконно. Преступления крайне редки, что в мире нашем, что во внешнем. Особенно во внешнем. Людям незачем убивать и грабить на самом деле, когда сделать это внутри себя гораздо легче.

– Тогда... против чего мы воюем? – замешкался Люк. – Против мира без насилия? Чего плохого в том, что?..

– Что с тобой, Гари? – сохранял подозрительность старик, протягивая руку к его лбу. – Ты как будто забыл, что сам проповедовал.

– Я ничего не проповедую, – стряхнул его ладонь Люк. – У меня только одно правило: не вмешиваться в жизнь других. И если нынешний человек не вмешивается в жизнь постороннего, ничего предосудительного я в этом не вижу.

– Но эти люди не люди вовсе, – вступилась Маха. – Ты сам об этом не раз говорил. Это уже новый вид. Вид, который желает стать бессмертным. Ты никогда не отличался адекватностью, но сегодня переступил все границы, – заключила девушка, опускаясь на землю и занимая позу лотоса.

– Прежде чем что-либо понять, мне следует навестить внешний мир, – оправдался Люк. – Я в нем когда-нибудь уже бывал?

– Ну, разумеется, Гари! Ты постоянно там обитаешь, потому что работаешь на местную полицию.

– Значит, я все-таки полицейский? Полицию во внешнем мире? – удивился он. – Как такое возможно? Что насчет моих отпечатков пальцев и фальшивых документов?

– Ты двойной агент, Гари. Не полицейский, – исправился старик. – Просто работаешь под прикрытием, поэтому твое рабочее место находится в полицейском участке. Двойным агентам позволено пользоваться фальшивыми документами.

Они полагают, будто ты следишь за нами. Будто ты подосланный кролик, понимаешь, о чем я?

— Но что, если я действительно работаю на них? — с опаской спросил он. — Что, если мое настоящее имя не Гари? Что, если я убираю своих же?

— Это исключено. Если бы это было правдой, нашей коммуны уже давно бы не существовало. Ты столько раз прикрывал наши задницы, что это даже абсурдно. Наконец, они не знают, кто ты такой. Это наше главное оружие.

— И кто я такой?

— Ты Гари Даласкиз. Человек, с которого все начиналось, — улыбнулся тот. — В то время как они думают, будто ты один из последователей. А значит, один из тех, кого запросто можно переманить деньгами и сказками о хорошей жизни.

Люк задумчиво кивнул.

— Дайте адрес конторы, в которой я работаю во внешнем мире.

— Я сам тебя подброшу, если хочешь. Кстати, я слышал, что у них появилось оружие, способное вычищать память, но не мог подумать, что они уже пустили его в ход.

— Полагаете, памяти меня лишили специально? — нахмурился мужчина.

Он вспомнил свою первую встречу с Кристиной. Незнакомка с подозрительно добрыми намерениями вполне могла сойти за агента внешнего мира. Она исчезла так же внезапно, как появилась.

– Забирайся в фургон, – махнул на раскрашенный в радужные цвета пикап он и отер ладони о грязные штаны цвета хаки, прежде чем занять водительское кресло.

Когда автомобиль тронулся, Люк продолжил размышления вслух.

– Я вижу много противоречий. Вы говорите, внешний мир избавлен от преступности. В то же время в нем есть полицейские участки.

– Преступники – это мы. А защищают они себя.

– В таком случае, каким образом вы попадаете в мир внешний? И почему вас не арестовывают? Например, когда вы осматривали квартиру покойного сына.

– Во-первых, – насторожился старик, – мой сын еще не покойник. Во-вторых... Тебе что-то известно? – обернулся и посмотрел на него упор он. – О моем сыне.

– Мне мое имя неизвестно, не говоря уже об остальном.

– Честно признать, – потер подбородок тот, – я и сам не раскусил этого момента. Сам поразился такой официальности, ожидал облавы.

– Так зачем пошли?

– Я был подавлен! – возмутился старик. – Растоптан! Посмотрел бы я на тебя, узнай бы ты о смерти единственного сына. Я жил для него большую часть жизни, и вот... Ты не представляешь, каково это, умирать позже собственных детей. Тебе кажется, будто ты оставляешь что-то после себя, и тут приходится держать тело мертвого ребенка на руках.

– Вы держали его тело?

– Фигурально выражаясь. Если честно, я сразу почувствовал, что его нет в живых. Еще до того, как мне позвонили. Родительское сердце никогда не обманывает. И в то же время оно надеется на лучшее. Хотя и знает правду. Я хочу верить.

– Вы встретились с полицией внешнего мира? Они опросили вас?

– Признаться, очень вежливо, без нажима. Более того, предоставили доступ ко всем документам и личным данным сына. Может, у них сохранилось какое-то уважение к родителям покойников? – горько усмехнулся старик.

– И это все? Вы уверены, что они?..

– Уверен, Гари, – убежденно отмахнулся тот. – Я же не маленький.

– Но что, если... – нехотя выговорил мужчина. – Что, если это я попросил их вас не трогать? Получается, это дело расследую я. Вполне логично, если учесть все вышеуказанное.

– Да, но ты не учел того, что сам не рассказывал нам об этом деле. Ты никогда ничего от нас не скрывал. А уж о смерти моего сына рассказал бы и подавно. Это я сам хотел тебя об этом попросить, но раз уж зашел такой разговор...

– Я попытаюсь разузнать все возможное, сэр. Тем более что это в моих же интересах. Ваш сын пропал неделю назад. Как раз в то время, когда пропал я. Случайностей не бывает. Эти события как-то связаны.

– Возможно, – уставился в пустоту водитель.

– Как зовут вашего сына?

– Том Черил.

Люк отвернулся к окну и выдохнул. Он знал не так много имен, чтобы забыть то, которое принадлежало телу в его автомобиле.

– Что, если я скажу, что это я убил вашего сына? У меня были на то какие-то причины?

Старик непроизвольно обернулся и дернул руль, отчего машина съехала на обочину, но тут же реабилитировался и вернулся в строй, не скрывая улыбки.

– Это исключено. Ты спас слишком многих, чтобы кого-то устранять.

– Но что, если я устранил одного ради тысячи? Это вполне на меня похоже. Прежний я выбрал бы такой вариант. Мой образ мысли вряд ли мог измениться.

– Жертвенность – не по твоей части.

– Но разве я не жертвую собой, чтобы спасти вас всех?

Старик уверенно покачал головой.

– Я не верю, что ты способен на убийство. Ты даже животное пальцем не тронул ради спасения тысяч. Ты один из тех, кто верит в судьбу.

– И поэтому не верю в силу выбора, которую отстаиваю этой коммуной? – нападал Люк. – И разве жизнь животного меньше по значимости? Чем вы ее мерите?

– Я лишь сказал...

– Разумом? – не отступал Люк. – В таком случае, живот-

ное может оказаться куда разумнее вас. Даже листок с дерева может оказаться куда разумнее человека, потому что не наполняет голову всяким дерьмом.

– Раньше, помнится, ты говорил, что глупую мысль от умной ничто не отличает.

– А теперь говорю, что все мысли равнозначно глупы.

– Я тебя и раньше не понимал, Гари, – обернулся старик. – Ты разговариваешь на кодовом языке? Если прослушивают или следят – дай знак.

– Пускай прослушивают, – отмахнулся он. – Я еще сам не до конца принял эту реальность. Возможно, это какой-то длинный, продуманный до деталей сон, в то время как я лежу в клинике с комой из-за сердечной недостаточности. Знаете, мне кажется, когда-то я слишком много пил.

– Ты и алкоголь в этом мире несовместимы. Хотя наркотиками когда-то баловался. Опять же это исключительно мое предположение. Уж больно странный ты тип. Удивительная у тебя все-таки память. Ты помнишь какие-то несуществующие вещи, а свое настоящее совсем забыл. Видимо, их прибор не только вычищает мозг, но и заливает в него новую информацию.

– Я еще сам не понял, как это работает. Знаете, это похоже на плохое кино. Вот я сижу в полупустом зале и вглядываюсь в обрывки бессюжетной ленты, силясь собрать его в нечто цельное. И в то же время соседи пересказывают мне сюжет другой картины, совершенно другого жанра, и моя

концентрация рассеивается. Кристина мне ничего не объяснила. Нужно было...

– Кто такая Кристина?

– Я так и не успел ее узнать. Возможно, девушка, которая спасла мою жизнь. А возможно, и та, которая первоначально ее отняла. Она вполне могла, как вы говорите, стереть мою память и бросить на произвол, забрав все средства к существованию.

– Она тебя ограбила?

– Я бы так не сказал. То есть... Я даже рад, что она встретила меня на пути. Ведь без нее бы я совсем пропал и запутался в происходящем. Кто знает, как оно на самом деле. Я даже не успел понять, какому миру она принадлежит. Наверное, потому что не понимаю, какому миру принадлежу сам. Против чего борется внутренний мир?

– Мы хотим вернуть личное пространство, Гари. Понимаешь, ступая на их землю, ты лишаешься всего. У тебя не остается ничего, что можно было бы скрыть. Если ты захочешь уединиться, чтобы излить душу на фотографии с обнаженными дамами, за этим процессом будут наблюдать тысячи глаз. Не исключено, что твоих знакомых. О тебе известно все. Даже больше, чем ты сам знаешь. Сомневаюсь, что там еще остались знакомые. Зачем поддерживать связь с теми, с кем не видишься вовсе и кого стыдишься? Они сидят в своих яйцевидных клетках и не выходят за порог своего метра. Их пространство сужается до одного шага в диамет-

ре, а им кажется, будто они стали свободными, вольны выбирать, куда идти, что делать и как жить. За них это решили еще до их рождения. Они боятся мира. Верят, что он враждебен, и если заниматься тем, что они действительно любят, то их непременно заклеят. Мир воинственен и страшен, он моментально их убьет, стоит сделать шаг влево. Вот во что они верят. Мы боремся за правду.

– С каждым годом мы становимся намного слабее природы. А мир не враждебен, я согласен. Он инертен и спокоен. Его строит и меняет только наше восприятие. Однако сам мир наше восприятие и присутствие никак не действует. Все события строятся на причинно-следственных связях. Вашего сына убили только потому, что он оказался не в том месте. Если относиться к миру как к полю боя, то он ответит тем, что вы от него ждете.

– Хочешь сказать, я хотел смерти сыну? – усмехнулся старик.

– При чем здесь вы? Вы и ваш сын – не одно и то же лицо. Он сам ее для себя выбрал. Он с ней не боролся.

– Наверное, – задумчиво протянул старик. – Я всю жизнь проработал на кофейной плантации. Но мне эта работа всегда нравилась. Мне действительно доставляет удовольствие трудиться. Я против случайного богатства. Деньги нужно получать за труд, а дом строить собственными руками.

– В наше время появился растворимый кофе.

– Ваше время – это какие годы? – рассмеялся он.

– Пятидесятые.

– Ты и тогда эти помои пил? – расстроился старик. – Кофеина в нем, возможно, и больше, но вот от первоначального напитка вкуса никакого не остается, будь уверен. Добывать и варить настоящие кофейные зерна – целый ритуал, которому нет равных. Я четыре года прожил на островах, транспортируя эти зерна в Америку. Ни с чем не сравнимый запах. Такой знойный и горький, – втянул невидимый аромат он. – Я загорелся идеей подарить этот вкус всем тем, кто родился и вырос на материке и ничего о нем не слышал. А когда подзаработал достаточно средств, чтобы заняться любимым делом, поехал во Францию учиться на баристу. На тот момент мне и двадцати не было. Проработал во Франции еще восемь лет. А потом обзавелся семьей и ребенком.

Он потер переносицу, и Люку стало не по себе. Он почувствовал себя в теле того, кого стоило ненавидеть и бояться.

– Что вы обнаружили в доме своего сына? – разбавил тишину он.

– Только личное. И вот это, – поднял руку и выставил безымянный палец с шестигранным кольцом он. – Это он носил не снимая.

– Что оно значит? Он был венчан?

– Нет, семьи он завести так и не успел. Он был очень скрытным и одиноким мальчиком, поэтому девушки у него никогда не было. Хотя сам я остепенился только в тридцать с лишним.

На Люка накатила тошнота. Высокая для габаритов грузовика скорость усиливала эффект.

Больше о сыне старика он не упомянул ни разу. Через полчаса они оказались у границы между двумя мирами. Граница обозначалась столбами на дистанции метра друг от друга. Никакой преграды Люк не заметил и уже приготовился пройти мимо, но старик резко его остановил.

– Не знаю, из какого вещества состоит эта конструкция, но лучше не рисковать. Уж не помню, кто из нас ее поставил, но разум ее сделал явно больной.

– Конструкция?

Вместо ответа старик поднял камень и бросил в сторону столбов. Когда камень настиг их невидимой границы, вспыхнуло что-то невыносимо яркое, почти неоновое. Камень расщепился в пыль.

– Это неофициальная граница, – пояснил старик. – Если хочешь перейти на сторону внешнего мира, следует обзавестись подходящими документами, пройти через ворота в километре отсюда и признаться в том, что ты дезертир.

– То есть мы людей не держим?

– На то мы и внутренний мир. У каждого есть выбор. Мы никому не преграда.

– А на сторону внутреннего мира кто-нибудь переходил?

– По неофициальным подсчетам, около десяти миллионов. По официальным – около двух сотен тысяч.

– Что значит по неофициальным?

– Эти люди пытались пройти. Разумеется, с той стороны им такой возможности не предоставили. Уверен, с этими людьми произошло то же самое, что и с камнем.

Люк бросил взгляд на горку песка у границы и кивнул.

– Каким образом переходим мы?

– А мы создали специальный материал, который помогает создавать кроличьи дыры в пространстве в радиусе одного метра, что составляет воздействие поля. Ты должен вернуться в прежнюю реальность, сменив координаты ровно на метр. И тем самым оказываешься за границей поля и воздействия электронного барьера. Это баг нечто вроде вакуума, который...

– Мне кажется, систему можно как-то упростить.

– Сам создал – сам и упрощай, – ухмыльнулся старик. – В общем, все, что тебе нужно, – это оголить блокатор системы и сделать десять шагов вперед в той реальности. Но только десять, запомнил?

– Вполне. Вот только никакого блокатора при мне нет.

– У каждого есть блокатор, Гари. Как же ты сюда попал?

– Что ж, я свой потерял, – раскинул руки Люк.

– Ладно, – вздохнул старик и вынул небольшой мешочек с чем-то плотным и квадратным. – Пользуй моим. Как найдешь – верни.

– То есть такой баг есть у всех? – удивился Люк. – У каждого жителя внутреннего мира? Зачем он всем нам?

– Чтобы приобрести продукты, которых здесь не достать.

Или встретиться с людьми, которых здесь не увидишь.

– Выходит, в какой-то степени мы зависимы от того мира?

– Мы ни от чего не зависимы. Мы вправе передвигаться где захотим.

Люк взял мешочек и подступил к невидимой черте вплотную. Старик сказал что-то в назидание, но мужчина уже оголил программу и делал первые шаги в реальности, где события развивались наоборот, а значит, одно действие приходилось повторять по сотне раз. Двигаться в таком пространстве было чрезвычайно трудно. На свои десять шагов Люк потратил не меньше часа. Он упорно считал, чтобы не сдаться раньше времени. По достижении десяти он спрятал программу и оказался в реальности, которую покинул часом раньше. И все же реальности недоступной его пониманию.

С одной стороны, разительно это пространство не отличалось. Никаких летающих машин, обещанных в прошлом веке, никаких космических кораблей, которые изображали в иллюстрациях его времени. Обыкновенный заселенный город с многоэтажными кирпичами. Крошечные квартиры с россыпью таких же окон. Огромное число машин и супермаркетов.

Он заметил ряд контор, на вывеске одной из которых значилась шестигранная звезда. Этот знак он помнил еще на своей прежней работе полицейским. Его остановили уже на входе.

– Пропуск, – сказала женщина в стеклянной будке.

– У меня информация о пропаже человека.

– Пропуск, – повторила она механическим голосом.

– Я здесь работаю, мисс. У меня информация о пропаже человека, – настойчиво повторил он.

Женщина с подозрением отвернулась и связалась с шефом по микрофону.

– Вас ждут. Кабинет триста сорок четыре, – сказала она, хмурясь и провожая его взглядом. – Без пропуска, – добавила она тише вслед мужчине. – И здесь курить запрещено.

Люк поднялся на второй этаж и остановился у дверей комиссара.

– Здесь курить запрещено, сэр, – догнал его в дверях молодой офицер.

– Нет-нет, Джозеф, – успокоил его сидящий в кресле шефа мужчина средних лет. – Сету можно.

Люк взгляделся в лицо незнакомца. Он годился ему в отцы, но отцом явно не был.

– С какой стати ты забыл пропуск? Я тебя не узнаю!

– Сет? – переспросил он, перешагивая порог.

– Вы уверены?.. – подал голос молодой офицер.

– Расслабься, Джозеф, прошу тебя.

Тот покраснел и споткнулся в коридоре.

– Все пытается доказать, что достоин повышения. Ты же его еще не видел? Нанял три дня назад. Это мой средний. Работает безупречно, ничего не могу сказать. И все же сын начальника, и такое быстрое продвижение. Люди не поймут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.